

Л. Г. Ионин

О НЕДОСТАТКАХ НЫНЕШНЕГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Большинство пишущих о проблемах политологического образования горячо рассуждают о его методике, о необходимости дальнейшего его сближения с практикой, введения «практических семинаров», широкого использования современных мультимедийных средств и т. п. Автор статьи анализирует принципиальные аспекты понимания социальной роли политологического образования, его научной специфики и перспективы, открывающиеся в рамках университетского политологического образования перед его «потребителями» – студентами и аспирантами.

Аннотация

Хотелось бы начать с опровержения некоторых предрассудков, получивших довольно широкое хождение как в профессиональной политологической среде, так и среди абитуриентов и студентов политологических факультетов университетов. Первый и, наверное, самый существенный из них заключается в убеждении, что обучение политологии есть не что иное, как формирование элиты.

Распространенные
мнения
и ошибки

На состоявшемся в 2005 году в редакции журнала «Полития» обсуждении проблем преподавания политологии главная проблема была сформулирована так: «Сегодня, когда речь заходит о необходимости подготовки элитного резерва, возникает вопрос: кого мы должны готовить, как мы представляем себе эту элиту?»¹ Это вовсе не вызвало противодействия участников семинара, и обсуждение прошло в указанном духе, т. е. под знаком размышлений о воспитании элиты. Между тем в число участников входили руководители и профессора «элитных» московских университетов и представители московских же «элитных» экспертных организаций, которые, надо полагать, не только без колебаний отождествили собственный статус с тем, что организаторы диспута обозначили еще лишь создаваемым резервом, но и нимало не усомнились в огромном потенциале своих студентов и собственной научной дисциплины.

На самом деле политологическое образование приближает человека к элите, как бы она ни понималась, не больше, чем любое другое образование. Конечно, в России, как и везде, существуют «элитные» университеты, предоставляющие студентам – в силу

¹ Политическое образование в современной России. Стратегические проблемы (<http://www.politeia.ru/seminar.php?2005-03-31>). Last access 12.11.2006.

общения с выдающимися профессорами и практиками, в силу пространственной и духовной близости к центрам принятия решений, в силу традиции, наконец, – возможность получить, по окончании их, места в фирмах и организациях, открывающих широкие карьерные перспективы. Но это еще никоим образом не отражает специфику политологии как науки, поскольку позиции, описанные выше с самой выгодной стороны, куда чаще политологов занимают выпускники экономических и юридических факультетов, а также историки, социологи и т. д. Нет в политологии ничего, что характеризовало бы ее как исключительно «элитную» научную дисциплину. Да и о «элитности» науки как таковой в современных условиях следует говорить с большой долей осторожности. Не секрет, что путь в «элиту» становится для студента, для выпускника вуза гораздо прямее и глаже, когда он, забыв о науке, начинает ориентироваться на бизнес, общественную деятельность, политику, т. е. на сферы, живущие по другим, далеко не университетским, не академическим законам и имеющие совершенно иные принципы организации и мотивации, а соответственно, и иные критерии успеха.

Второй распространенный предрассудок касается возможности политологического образования способствовать формированию гражданского общества и правового государства и, шире, – формированию демократии в России. В конце 90-х годов была опубликована серьезная статья, посвященная этой теме, где заявлялось, что «важным ресурсом демократической трансформации общества является политическое образование, основной целью которого является воспитание умения жить в демократическом обществе»². Сам по себе этот тезис не может вызвать возражений. Однако статья в целом посвящена все же проблемам политологического, а не политического образования: анализируются состав и организация кафедр политологии в вузах, учебные программы и методы преподавания политологии и т. п. Но политологическое образование и политическое образование, как известно, совершенно разные вещи. В Советском Союзе не было политологического образования, тогда как политического было более чем достаточно. Если рассматривать преподавание политологии как орудие политического образования, то на место политологии как науки становится политология как орудие индоктринации и пропаганды. В этом случае политология, включенная в стандарт высшего образования в качестве обязательной дисциплины, занимает в учебных программах место пресловутой истории КПСС и научного коммунизма и утрачивает свою научную составляющую.

Если же подвергнуть испытанию на прочность эмпирические, т. е. опирающиеся на опыт и подразумевающие практическое применение, данные политологии (а только успех в таком экзамене позволяет ей претендовать на статус научной дисциплины), то

² Кулик А. Н. Политическое образование и перспективы консолидации демократии в России (<http://www.irex.ru/press/pub/polemika/03/kul/>). 2006.

среди прочего выяснится и довольно удивительная для этой общественной науки вещь, что ее пропагандистские возможности не велики. Но наука, заметим, по самой сути своей неспособна к выработке ценностного консенсуса в обществе, а когда пытается заявить себя на этом поприще, она тем самым попирает собственную идентичность и становится чем-то другим, во всяком случае, не наукой. Только с этой оговоркой можно признать, что политология является важным ресурсом демократической трансформации общества.

Третий предрассудок, на котором следует остановиться, касается распространенного даже в академической среде, не говоря уже о других слоях населения нашей страны, представления о политологии. До сих пор она трактуется по преимуществу как гуманитарная дисциплина, т. е. как знание, не предполагающее высокого уровня формализации, специфических средств «процессирования» и, в более широком смысле, дисциплины мышления. Учебный план политологических факультетов – это, как правило, «гуманитарный» учебный план, лишь немного разбавленный математическими дисциплинами, причем не теми, которые действительно могут быть полезны студенту-политологу (прикладная математика, математическая статистика, теория игр и т. д.), а общеобразовательными, добавляемыми, согласно Госстандарту, в нагрузку к любой гуманитарной специальности. В таком ее виде политология – не наука, а либо пропагандистское орудие, либо (если принимать в расчет лишь ее прикладное значение) род технического знания, требующегося для решения задач, возникающих вовне ее самой.

Эти три комплекса представлений, которые мы обозначили как «предрассудки», конечно, не характеризуют отечественную политологию исчерпывающим образом, но они играют отнюдь не последнюю роль в том, как она развивается и как осознает свое место в академическом сообществе и в обществе в целом. В дальнейшем изложении будет показано, какими должны быть место и задачи политологии в современном российском обществе, но сначала – о ее «элитном» статусе.

Говоря об элитном характере политологии, ее вольно или невольно отождествляют с политикой. Вообще, в нашей стране сейчас элита – это по преимуществу политики, а также представители крупного бизнеса, да и то лишь в той мере, в какой они осуществляют политическое влияние. Само употребление таких терминов, как «федеральная элита», «региональные элиты», «согласие элит», «интересы элит» и т. п., со всей очевидностью показывает, что речь идет о группах, организующихся вокруг центров политической власти.

Традиционный полиморфизм элит в нашей стране почти что отсутствует. В классических теориях элит выделялись, как известно, три их типа: властные, ценностные и функциональные. Первый тип – это элиты господства, или политические элиты. Второй – ученые,

писатели, журналисты, т. е. те, кто формирует ценностные и смысловые составляющие сознания общества. И третий – функциональные элиты, к каковым относятся выдающиеся представители разных сфер деятельности, прежде всего промышленности и бизнеса. Деятели культуры и искусства, принадлежащие к этому типу, сильны не столько своим оригинальным творчеством, сколько исполнительским мастерством. Каждый из типов имеет собственную независимую иерархию, систему статусов, имеет свои критерии социальной мобильности, т. е. подъема по иерархической лестнице; эти критерии, как и сам способ реализации упомянутой мобильности, автономны – иными словами, хотя бы относительно, но отличаются от критериев и способов, принятых у других типов элит. В настоящий момент у нас в стране независимых от власти линий формирования элит практически нет, а если более или менее независимые элиты и существуют, в общественном сознании они отнюдь не выступают как самостоятельные. Если выразить эту мысль лапидарно и грубо, элита – это политики и те, кто к ним близок.

Отсюда и возникает представление, что политологическое образование есть выращивание «элитарных» политиков. Однако это в корне неправильное суждение. По традиционной классификации, политологи (разумеется, «элитные» представители политологии) должны принадлежать к ценностной элите общества, а не к властной. Прежде всего потому, что у политологов и политиков налицо разные системы социальной мобильности, т. е. повышения статуса в собственных специфических сферах деятельности. Орудиями повышения статуса политолога, как и любого ученого, являются публикация научных работ и защита диссертаций. Орудием повышения статуса политика является занятие им все более высоких выборных или административных должностей. Одно и другое предполагают совершенно разные формы деятельности. Более того, эти две сферы предполагают совершенно разные типы личностей (склонностей, способностей, психофизиологических характеристик). Встречаются индивиды, объединяющие в себе обе ипостаси – политика и ученого, – но, как правило, в таком случае развитие происходит за счет взаимного поглощения или, в лучшем случае, обе эти ипостаси существуют независимо друг от друга. Их полезное взаимодействие едва ли возможно.

Поэтому политология (в той мере, в какой она является наукой) не может представлять собой рассадник политической элиты. Разумеется, она способна порождать представителей политической элиты, но не в большей степени, чем всякая иная наука или всякая иная сфера жизни и деятельности.

Еще одним основанием для отнесения политологов к политической элите является предположение о том, что политология дает возможность вести «научно обоснованную» политику, что политик, получивший политологическое образование, будет действовать более рефлексивно, более «правильно», с большей опорой на «объективные закономерности» политической жизни. Это соображение

также следует воспринимать весьма критично. Во-первых, успешная политика не всегда предполагает рефлексию, гораздо чаще политический успех предопределяется догматизмом и упорством в проведении, казалось бы, заведомо обреченной политики. Во всяком случае, это мы наблюдали и наблюдаем на примере выдающихся политиков, определяющих развитие событий в стране и мире на годы и десятилетия вперед. Этой теме посвящено довольно много исследований, демонстрирующих, что рефлексия (не путать с обратной связью), так же, как и концентрация внимания на «объективных закономерностях», обрекает политика на поражение.

Во-вторых, у политика совершенно иная мотивация действий и совершенно иные информационные предпочтения, чем те, какие диктуются обычно политологическим знанием.

Разумеется, все это не означает, что политология абсолютно бесполезна для политики и не оказывает на нее никакого воздействия. Политология (повторю: в той мере, в какой она остается наукой) может предоставлять политике информацию о наличном состоянии общественного мнения и поведения и о неких ограниченных во времени и территориально событийных регулярностях (а не «объективных закономерностях») в политическом поле. Этим ее функция применительно к политике и ограничивается. Перефразируя известный средневековый афоризм, можно сказать, что политология – служанка политики и ни в коем случае не ее «хозяйка». Не она созидает политику. Разумеется, политологи вправе строить грандиозные политические проекты и принимать участие в их реализации, но в этом, как показывает логика и как свидетельствует опыт, они не обладают предпочтительной позицией и предпочтительным когнитивным статусом по сравнению с представителями других наук и других сфер деятельности. Именно поэтому претензия политологии на элитное положение в ряду других занятий не является обоснованной.

Выше говорилось, что между политологическим образованием и политическим образованием пролегает пропасть. Политологическое образование есть овладение теоретическим содержанием и эмпирическими методами политической науки, тогда как политическое образование есть воспитание в духе определенной политической доктрины. Другое дело, что в практике образования эти вещи постоянно перемешиваются. Если на политологических факультетах университетов студенты имеют возможность овладевать арсеналом именно политической науки, то на других факультетах, где политология хотя и является обязательным предметом, но время знакомства с нею ограничено определенным количеством часов, вместо политологического мы неизбежно имеем дело с политическим, в сущности, образованием, т. е. с навязыванием конкретных нормативных схем политического процесса.

Как правило, это почерпнутая из западных, прежде всего американских, политологических учебников и пособий либеральная модель

Политология
и политическое
образование

политики. Ее стандартные составляющие: политическая система как она описана у Д. Истона, политический режим (от демократии до тоталитаризма), противопоставление тоталитаризма демократии, политический плюрализм, реализующийся в гражданском обществе, правовое государство, типология политических культур, где в качестве идеала и нормативного образца формулируется представление о политической культуре, характерной для западных обществ, и идея политического развития, понимаемого как процесс модернизации, а в более конкретном виде – «демократического транзита», т. е. перехода к политической системе западного типа. В принципе, это единственная теоретически разработанная модель политической науки. В качестве альтернативы ей иногда представляются некоторые пережитки марксизма, очищенные от собственно марксистских понятий и концепций, таких, например, как классовая борьба, которую подменяют нынче «геополитической борьбой» или «борьбой цивилизаций». Заметим попутно, что перед соблазном потрепать классические марксистские формулировки и, убрав из содержания всемирной истории борьбу классов, пуститься в умствования о борьбе цивилизаций, не устоял даже руководитель КПРФ, доктор социологических наук Г. А. Зюганов³. Товарищу должно быть стыдно так поступать. Называет себя коммунистом, а передергивает.

Новое видение мировой истории дополняется некогда эзотерическими, а ныне ставшими элементом массовой культуры доктринами вроде учения о «священной традиции» или популяризированного варианта теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Все это фигурирует под именем «цивилизационного подхода», претендующего на роль альтернативы стандартной политологической модели, почерпнутой из западной *political science*. Однако беда «цивилизационного подхода» состоит в том, что он представляет собой, в первую очередь, не теорию в строгом смысле слова (совокупность описательных предложений, связанных между собой по правилам формальной логики), а идеологическую конструкцию (набор телеологически ориентированных положений, из которых в конечном счете выводятся нормы политического поведения).

Противопоставление этих двух направлений не означает, однако, что «западную» политологию, в отличие от чрезмерно идеологизированного цивилизационного подхода, следует рассматривать как «строгую науку». Несколько огрубляя суть дела, можно сказать, что политология как в идеале, так отчасти и в ее западном варианте является прежде всего орудием теоретического описания политического процесса, тогда как цивилизационный подход с его безудержной склонностью к идеологии является, в главных своих чертах, орудием пропаганды и политической мобилизации. Тем не менее как в цивилизационном подходе наличествует важное теоретическое содержание, так и «западная» политология несет в себе мощный идеологический заряд.

³ Зюганов Г. А. За горизонтом. Орел, 1995. С. 9.

Этот идеологический заряд содержится прежде всего в концепции политической модернизации, имеющей нормативный характер. Ее источником является идея социальной эволюции, лежащая в основе всего социального знания Нового времени, в том числе и марксистского. Идеологизированность – это ее родимое пятно. Упомянутого выше С. Хантингтона именно осознание латентной идеологизированности внешне строго научного политологического знания подтолкнуло к формированию новой парадигмы – цивилизационного анализа. Еще в 80-е годы прошлого столетия он показывал, разбирая идею модернизации, что она воспроизводит, в принципе, основные черты марксистского, глубоко идеологизированного подхода к общественному развитию. Модернизация, говорил он, мыслится как революционный процесс, ибо она предполагает кардинальный характер изменений, радикальную и тотальную смену всех институтов, систем, структур общества и человеческой жизни. Она мыслится как системный процесс, потому что изменения одного фактора, одного фрагмента системы побуждают и определяют изменения в других факторах и фрагментах; в результате происходит целостный системный переворот. Она считается глобальным процессом. Зародившись когда-то в Европе, она приобретает ныне глобальный размах. Все страны были когда-то традиционными, все страны ныне либо стали современными, либо находятся в процессе движения к этому состоянию. Она рассматривается как ступенчатый процесс. Все общества, модернизируясь, должны пройти одни и те же стадии. Сколько каждому обществу осталось идти по пути модернизации, зависит от того, на какой стадии развития оно находилось, вступая на этот путь. Она есть гомогенизирующий процесс. Традиционных обществ много, и все они разные; у них одно общее – то, что они несовременны. Современные общества в основных своих структурах и проявлениях одинаковы. Модернизация мыслится как необратимый процесс. На этом пути могут быть задержки, частичные отступления, снижение темпов и т. п. Но все это частности; главное же в том, что, начавшись, модернизация не может не завершиться успехом. Модернизация – прогрессивный процесс. Хотя этот процесс может сопровождаться многочисленными явлениями зла и страданий, в конечном итоге все окупится, так как в модернизированном современном обществе неизмеримо выше культурное и материальное благополучие человека⁴.

Перечисленные характеристики теории модернизации, действительно, близки марксизму. Главное – идея неотвратимости прогресса, убежденность в том, что от счастья не уйти. Хотя движущие силы, конечная цель и содержание развития общества концептуализируются иногда различным образом, формальные структуры мышления марксистских и либеральных модернизаторов почти тождественны. Концепции «демократического транзита», сформулированные,

⁴ См.: *Huntington S. The change to change // Comparative politics in the post behavioral era /Ed. by A. Cantory and A. Ziegler. Boulder, Colorado: Lynne Rienner, 1988. P. 360–363.*

например, в работах американского политолога Ф. Шмитера и немецкого – К. Оффе и особенно популярные в 90-е годы ушедшего столетия, представляют собой применение общих принципов модернизации к политической сфере. У нас сейчас они практически легли в основу интерпретации современных политических процессов, как она дается в рамках политологического образования.

В задачу настоящей статьи не входит критика и сравнительная оценка названных двух подходов. Здесь важно подчеркнуть, что в них обоим весьма силен элемент идеологизации. К сожалению, мощный аналитический потенциал западной по происхождению политической науки в нашем обычном политологическом образовании используется недостаточно; главное внимание уделяется идеологическому компоненту. В результате изучение политологии оборачивается не познанием и пониманием ее истинных параметров, а идеологической индоктринацией, т. е. воспитанием либо «либералов», либо «консерваторов» – в зависимости от политических убеждений того или иного преподавателя или взглядов, господствующих на той или иной политологической кафедре. В основном такая ситуация характерна для провинциальных вузов, но, к несчастью, то же самое все чаще наблюдается и в «столицах», где гораздо сильнее «аффилированность» политологов с политическими партиями и движениями.

Это, конечно, не новая в мировом масштабе ситуация. Еще Макс Вебер сто лет назад писал: «Пророку и демагогу не место на кафедре в учебной аудитории. Пророку и демагогу сказано: «Иди на улицу и говори открыто». Это значит: иди туда, где возможна критика. Я считаю безответственным... пользоваться своими знаниями и научным опытом не для того, чтобы принести пользу слушателям – в чем состоит задача преподавателя, – а для того, чтобы привить им свои личные политические взгляды»⁵. Но то, что эта ситуация не нова, не делает проблему менее актуальной.

В общем и целом можно сказать, что политологическое образование у нас сплошь и рядом подменяется политическим образованием, [1] причем политическим образованием в двух противоположных друг другу направлениях. Это не сулит ничего хорошего ни политологическому, ни политическому образованию. Было бы крайне целесообразно не связывать эти две различные – как по своим задачам, так и по своему содержанию – сферы деятельности, а принципиально их разделить, выведя вторую, т. е. политическую, за рамки университетского образования. В некоторых демократических западных странах так и сделано. В Германии, например, существует федеральное ведомство политического образования (Bundeszentrale fuer politische Bildung), имеющее филиалы на уровне федеральных земель и предназначенное именно для «внесения» правильного политического сознания в народные

⁵ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 722.

массы. Политологи могут работать и работают в этой организации, что отнюдь не заставляет их выступать в качестве пропагандистов, когда они в своих университетах обращаются к преподавательской деятельности.

Эта нерасчлененность двух, хотя и родственных друг другу, но существенно различных форм деятельности тесно связана с еще одной проблемой отечественной политологии.

Не так давно автор настоящей статьи давал рекомендацию для поступления в политологическую докторантуру университета Беркли в Калифорнии достойному и грамотному выпускнику политологического факультета одного из московских университетов. Сам соискатель направил данные о прослушанных им на факультете курсах и, в качестве свидетельства своего научного уровня, серьезную статью, анализирующую, причем именно в категориях западной политической науки, современное переходное состояние российской демократии. Но ответ пришел отрицательный. Профессор-рецензент вежливо писал, что присланная соискателем статья весьма интересна и свидетельствует о его высокой научной квалификации, но мы, мол, здесь, в Беркли, к сожалению, ползучие эмпирики, и у нас требуется серьезная математико-статистическая и эмпирико-социологическая подготовка, без которой вряд ли удастся успешно написать и защитить диссертацию.

К счастью, претендент оказался по первому образованию выпускником Физтеха и смог отправить дополнительные документы, доказывающие, что он способен учиться и защищать диссертацию в Беркли.

Безотносительно к судьбе данного конкретного соискателя нужно сказать, что пути западной, в частности американской, политической науки и отечественной политологии все больше расходятся. Отечественная политология успешно усваивает идеологическое содержание своей западной сестры, но все заметнее отстает в том, что касается ее аналитического инструментария. Это отчетливо проявляется в учебных планах политологических факультетов. Приведем для примера перечень обязательных учебных курсов, читаемых на отделении политологии и международных отношений одного из московских университетов. Мы взяли его с сайта университета, который не указываем по той простой причине, что этот перечень ничем существенно не отличается от других, изготовленных в подобных образовательных учреждениях. Вот как он выглядит:

Введение в специальность

Введение в специальность «международные отношения»

Государственное устройство и особенности политической системы Италии: история и современность – с. курс

*Региональные подсистемы современности. Регионоведение
Конфликтология*

*История международных отношений и внешней политики
России (Новейшее время)*

Политологи-
ческий
куррикулум

*История международных отношений и внешней политики
России (до Первой мировой войны)
История дипломатии
Общая политология
Общая политология (Общая теория политических систем)
Прикладная политология
Мировая политика
Политическая историография
Политическая психология
Политологический анализ
Политология
Основы геополитики
Основы теории международных отношений
Международный менеджмент
Международная интеграция и международные организации
Сравнительная политология
Содружество независимых государств
Теория толерантности
Экономическая география и мировое хозяйство. Политическая география*

Для сравнения приведем перечень только формально-методологических курсов, изучаемых в бакалавриате того же университета Беркли по направлению «Политические науки» и взятых также непосредственно с веб-сайта университета:

*PS 3 Introduction to Empirical Analysis and Quantitative Methods
PS C131A Applied Econometrics and Public Policy
PS C135 Game Theory in the Social Sciences
PS 231A Quantitative Analysis in Political Research
PS 232A Formal Models in Political Science
PS 239 Framing Research: Concepts, Measurement, and Causal Inference
PS 239A The Statistics of Causal Inference in the Social Sciences*

Легко видеть, что в отечественном университете формально-методологические курсы [2], составляющие весомую часть куррикула американского университета, отсутствуют вообще. Это вовсе не означает, что у нас учат плохо, но это означает, что в двух университетах учат разному, т. е. в российском университете под именем политологии преподается вовсе не то, что в американском университете преподается под именем политической науки.

Здесь необходимо сделать краткий экскурс в область так называемой философии науки, иначе говоря, философской дисциплины, исследующей формальные характеристики научного дискурса. Одним из характерных признаков этого последнего считают критерий демаркации, т. е. критерий отделения науки от не-науки, отделения научных суждений от суждений, относящихся к любой другой

сфере познания и опыта. Так вот, критерием демаркации в новейших версиях философии науки, связанных с именем знаменитого философа Карла Поппера, является возможность «эмпирической фальсификации» выносимого суждения, или, говоря простым языком, возможность его эмпирического опровержения. То суждение, для которого мы можем указать способ его эмпирической проверки, т. е. «фальсификации», является научным суждением. Если же такого способа нет, суждение не относится к области научного знания, а относится к сфере идеологии, религии, искусства, магии или к какой угодно другой. Например, суждение «вода кипит при 100° по Цельсию» является научным суждением, поскольку есть способ его эмпирического опровержения, а суждения о том, что «победа коммунизма неизбежна» или что «победа демократии неизбежна» такими не являются, поскольку способ их эмпирического опровержения отсутствует.

В социальных науках операционализация понятий – сведение их к эмпирически фиксируемым референтам – зачастую крайне сложна, так же как и эмпирическая интерпретация суждений, и этой, без сомнения, коренной проблеме политических наук и посвящаются в основном многочисленные формально-методологические курсы, включаемые в куррикулум западных университетов и достаточно редко наблюдаемые в учебных планах университетов отечественных. А ведь в той степени, в какой мы не интересуемся эмпирической интерпретацией наших понятий, мы остаемся за пределами науки в строгом смысле слова и смело можем относить нашу деятельность к какой угодно сфере, кроме научной.

Здесь нужен еще один краткий экскурс, на этот раз проясняющий значение слова «наука». Английское «science», которое мы привычно переводим как «наука», в англоязычной культуре традиционно относится к естественным наукам со всем их формально-методологическим аппаратом. Поэтому «political science» – это политическая наука, которая строится по модели естественных наук. Наука же в нашем отечественном смысле – это едва ли не любая система знания. Ничего плохого в этом нет, просто такова наша языковая традиция. Но именно поэтому у нас и филология – наука, и философия – наука (на Западе эти направления знания не относятся к области «science»), и даже астрология – наука, хотя и с приставкой «лже». На самом деле это уничижительное «лже» вовсе не нужно. Астрология просто не наука, что не делает ее чем-то недостойным внимания и уважения. Любовь, например, тоже не наука, что отнюдь не унижает ее в наших глазах. Именно в русской языковой традиции смогло успешно привиться противоестественное словосочетание «научная идеология», применяемое по отношению к марксизму.

Такова, повторим, русская языковая традиция. Она в определенном смысле отклоняется от историко-культурной традиции Нового времени, выработавшей более узкое понимание слова «наука», четко отразившееся в английском словоупотреблении.

Отечественные политологи не только могут, но и должны говорить на своем родном языке, однако при этом, занимаясь «наукой», они должны отчетливо представлять себе, каково действительное содержание того или иного употребляемого ими языкового термина.

Но, как мы видим, это не всегда происходит. Переводя без излишних размышлений «political science» как «политология» и фактически отождествляя эти два понятия, мы, сами того не замечая, все более расходимся со своими западными коллегами [3]. В результате наших выпускников не принимают в докторантуру в Америке, а наши студенты и даже профессора не в состоянии читать американские политологические (не политические!) журналы, где три четверти, если не больше, статей снабжены серьезным математическим аппаратом. Политологическое образование у нас оказывается гуманитарным образованием и даже отождествляется с пропагандой (политическим образованием), а политологической элитой (т. е., по существу, научной элитой) считаются, как правило, не выдающиеся ученые, а телевизионные политические комментаторы.

Resumé

Нужно оговориться, что отмеченные в статье тенденции не исчерпывают содержания и направлений отечественного политологического образования. Но они характерны для массового понимания политологии и массового политологического образования. Объясняется это не в последнюю очередь тем, что в момент небезызвестной российской трансформации произошло массовое «обращение» научных коммунистов в политологов, и эти новые политологи, переориентировавшись идеологически, не сумели переориентироваться с идеологии на «науку». К сожалению, и по сей день положение не меняется к лучшему, хотя, конечно, не все новейшие наши политологи успели прежде побыть коммунистами.

На основе изложенного можно прийти к выводу о том, что для отечественного политологического образования насущными являются следующие теснейшим образом связанные друг с другом требования:

1. Избавление от запутывающего и искажающего реальное положение дел комплекса элитарности и точное следование принципам систематической, часто неяркой и скучной, не блистающей на публичной арене, но именно научной, а не политической (а по существу, скорее, парapolитической) деятельности.

2. Осознание принципиального различия между политологией как наукой и политической пропагандой; политолог может быть пропагандистом, поскольку он, как и любой другой член общества, вправе иметь политические взгляды и высказывать их, но его роли как ученого и пропагандиста – это разные социальные роли.

3. Усвоение политологическим образованием формально-методологического и аналитического аппарата, сформировавшегося в мировой традиции political science; благодаря этому у отечественной политологии появится шанс не свалиться за борт «парохода современности».

1. *Грачев М. Н.* Политические коммуникации и коммуникационное измерение политики // «Новая» Россия: политическое знание и политологическое образование. Материалы межвузовской научной конференции, 1–2 декабря 2000 г. – М.: РГГУ, 2000. С. 36–41.
2. Новации в политологическом образовании: программы курсов / под ред. Б.Г. Капустина. М.: КД «Университет», 2003.
3. Институциональная политология: соврем. институционализм и полит. трансформация России / под ред. С. В. Патрушева; Рос. акад. наук, Ин-т сравнительной политологии. – М.: ИСП РАН, 2006.

Литература
